

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ

ТЕНЬ ЯКУДЗЫ

Якудза

Дмитрий Силлов

Тень якудзы

«Издательство АСТ»

2011

Силлов Д. О.

Тень якудзы / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2011 — (Якудза)

ISBN 978-5-9725-2133-3

Не по своей воле Виктор стал бандитом. Бандиты вынудили его к этому. Не по своей воле он стал убийцей. Его к этому вынудили убийцы. Жестокость порождает жестокость. Но что может быть страшнее сил, неподвластных разуму? Клан Якудза разбудил в нем способности средневековых убийц-ниндзя. Теперь он – оружие клана. И его поле боя не только Россия. Весь мир. Но Виктор – разумное оружие. Он способен выбирать, против кого направить обретенную силу.

ISBN 978-5-9725-2133-3

© Силлов Д. О., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дмитрий Силлов

Тень якудзы

Автор часто не разделяет точки зрения своих героев. Но так как они, тем не менее, остаются его героями, он прощает им их маленькие слабости, рассчитывая на аналогичное отношение читателей к ним.

Часть первая

Черная сакура

В воздухе пахло гарью и паленым мясом. Крупные хлопья сажи, гонимые порывами ветра, напоминали лохматых воздушных змеев, которых дети запускают в небо в канун праздника Нового года.

– Мацукура Сигемаса, пожалуй, был слишком строг с ними, – произнес чей-то голос за спиной.

Виктор обернулся.

Позади него стоял воин в доспехе жутковатого вида, напоминающем панцирь гигантского жука. На лице воина была надета железная маска ужасного демона, поэтому голос воина звучал глухо.

– Я думаю, что не стоило так часто надевать на них соломенные накидки только для того, чтобы узнать, поможет ли им христианский бог, когда их одежда загорится. Тогда бы не пришлось тащиться на этот остров и просить о помощи дьяволов из Кога.

Виктора не удивило облачение воина и голос, говоривший на странном наречии. Вероятно потому, что на нем были похожие доспехи и звучащие из-под маски слова были понятны, словно он знал их с рождения.

– Если за победу придется заплатить союзом с дьяволом, я готов заключить такой союз, – равнодушно произнес он на том же языке. – А христианский бог дает осажденным дух воина и презрение к смерти, которые достойны уважения. И если ты помнишь, Имаи, самурай должен прежде всего научиться уважать достойного врага.

Воин в доспехах ничего не ответил, а лишь почтительно поклонился и сделал шаг назад. А Виктор вновь повернулся к горящему замку, за стенами которого демоны из Кога вместе с его солдатами завершали резню. Криков раненых не было слышно – христиане умели умирать достойно.

Тусклый, безжизненный диск солнца заволакивало дымом, поднимающимся с земли.

– Этой весной лепестки цветущей сакуры будут черными от сажи и пепла, – прошептал Виктор...

Лязг железа за стеной замка становился все тише. Бой заканчивался, и Виктор боялся признаться самому себе, что в глубине души он желает победы не своим солдатам. И уж тем более не демонам из Кога, само имя которых до сих пор вселяет ужас в сердца жителей страны Ямато.

Но чудеса случаются только в сказках.

На языки пламени, вырывающиеся из-за стен замка, внезапно легла черная тень. Показалось на мгновение, что не человек, облаченный в черные одежды синоби, медленно взошел на стену, а настоящий демон из преисподней возник из моря бушующего огня.

– Вот он, их предводитель, – услышал Виктор приглушенный шепот за спиной. – Неужели после этой осады кланы ночных убийц снова начнут набирать силу?

– Не начнут, – покачал головой Виктор, мысленно коснувшись татуировки дракона, с недавних пор украшающей его спину. Он знал – время синоби прошло. Скоро новая, гораздо более мощная организация будет править страной Ямато и диктовать условия не только Императору, но и самому всемогущему Сёгуну.

Между тем человек на стене, словно прочитав мысли Виктора, согнув колени, медленно опустился на пятки и так же медленно сплел пальцы в замысловатую фигуру. Отсюда Виктор не мог видеть его лица, тем более что оно было скрыто двумя полосками черной ткани. Но он кожей почувствовал змеиную усмешку, скользнувшую по губам предводителя синоби.

И он понял, что услышит сейчас.

И от невольного, животного, непреодолимого ужаса, поднимающегося из глубин его естества, вздрогнул и... проснулся.

Другая, пока еще мутная реальность плеснула в глаза. И первую пару секунд было трудно сказать, что более настоящее – смазанная картина странного и жутковатого сна или черная муха, ползущая по прилавку рядом с его носом.

А между тем муха ползла.

Это была осенняя муха, и потому ползла она неуверенно, смахивая повадками на грузчика дядю Ваню, когда он, приняв после работы священные двести пятьдесят, бредет домой – медленно, пошатываясь, но на выверенном годами автопилоте, почти осмысленно сканируя окружающее пространство мутными фасетками выпученных глаз.

Есть такое французское выражение – дежавю. Это когда какое-то событие, уже поимевшее место быть, в точности повторяется через некоторое время.

Витек проморгался со сна, обнаружил себя сидящим на стуле, положившим голову на скрещенные руки, в свою очередь лежащие на прилавке, – и задумался. Глубокие познания в заморской речи были ему не свойственны. Тогда откуда вдруг ни с того ни с сего такие мудреные мысли?

А муха продолжала ползти. У нее был один и тот же маршрут. Уже третий день подряд она ползла поперек прилавка – от кассы мимо грузных весов, смахивающих на памятник застою, до треснутого пластмассового блюдечка для сдачи. И никогда наоборот. А уж вдоль – боже упаси! Только поперек. И почему-то именно в этот момент ее мушиной жизни постоянно ловил ее взгляд Витька. И даже если удавалось ее прихлопнуть, преемницы мухи, видимо, чтя память погибшей насильственной смертью товарки, снова ползали проторенной дорожкой.

Дежавю, одним словом. Через день, через неделю, через месяц, но, так или иначе, она будет прилетать сюда исключительно для того, чтобы приземлиться на прилавок и ползти к грязному краю блюдца, навевая наблюдателю не свойственные ему иноземные мысли.

«Вот так от безделья у трудового народа сползает крыша...»

На прилавке лежала тоненькая книжка с хитрыми иероглифами на обложке и русским переводом под ними, от нечего делать когда-то купленная и насилу до половины прочитанная. Назывался сей труд «Три стратегии Хуан Ши-Гуна». Витек иногда – когда книга попадалась на глаза – давал себе слово все ж таки продраться сквозь мудреные наставления чуть не трехтысячелетней давности. Но дальше мысленных клятв дело не шло, и пока что книжка служила исключительно для истребления надоедливых насекомых. Случалось также, что иногда незнательные коллеги тайком от Витька использовали страницы «трех стратегий» по известной надобности, которую вышеупомянутый бывший интеллигент, а ныне, со слов шефа, старший менеджер по ПГР, то есть погрузочно-разгрузочным работам дядя Ваня описал с присущим ему народным юмором: «Дедушка взял книгу и пошел за угол. Не иначе погадить, так как читать он не умеет».

Но сейчас убивать насекомое было лень. Лень было двигаться вообще. Покупателей – ноль, настроение – ноль. А какое оно будет после снов таких жутких, кошмарных, не пойми про что.

«Меньше надо восточным фольклором мух бить, тогда кошмары сниться не будут», – подумал Витек.

А тут еще Клавка, паскуда, снова на работу не вышла. Почему – понятно, и гадать нечего. Одно из двух. То ли очередная безумная любовь, то ли внеплановый аборт как следствие таковой. Так что сиди вот тут за прилавком, Виктор Алексеевич – типа, со слов того же шефа, и коммерческий директор палатки, и младший менеджер по ПГР, и вот теперь, по милости Клавки, заодно и продавец в одном флаконе, то есть лице.

А часы над головой – тик-так – тащат еле-еле толстую ленивую часовую стрелку к заветной цифре «8», по достижении которой можно забить на покупателей, мух и французские слова, оторвать зад от стула, закрыть к чертям собачьим палатку, робко претендующую в соответствии с существующим законодательством на магазин, и топать себе восвояси навстречу нехитрому набору вечерних послерабочих радостей.

Но до восьми еще и семь, и шесть, и почти что пять. Так что сиди, Витя, сиди, созерцай муху и тихо сходи с ума.

«А может, я ее не убил в прошлый раз? Может, она бессмертная, как Кашей? Возродится после прихлопывания, как эта... птица... блин, как ее?»

Однако окончательно двинуться крышей на почве безделья Витьку было сегодня не суждено. Бессмертная муха, не доползя до точки назначения пару дециметров, застыла, после чего круто взлетела вверх, потревоженная потоком воздуха от шумно и резко распахнутой двери магазинчика.

История возникновения в голове французского слова мгновенно нарисовалась сама собой. Ну конечно! Хрестоматийная «Матрица», переименованная милицейским Гоблином в «Шматрицу» и пересмотренная заново пару-тройку месяцев назад. Как раз оттуда это самое дежавю, когда там у них сбой в программе и виртуальная одинаковая кошка бегает туда-сюда одним и тем же маршрутом по одному и тому же отрезку пространства. Помнится, они там в кино от этой кошки чуть все со страху не загнулись. Америкосы, что с них взять? Слабый народец, нервный. Не закаленный суровой действительностью. Их бы к нам на стажировку, в развивающийся капитализм. На месячишко...

Вошедших было четверо. Одинаковых, словно клоны овечки Долли. Только не в кудряшках. Скорее наоборот.

Бритые, квадратные, чем-то смахивающие на неандертальцев из школьного учебника, в черной коже и челюстях, мерно прессующих разрекламированную резину, защищающую зубы с утра до вечера.

«Дежавю...»

– Я у тебя неделю назад был? – без предисловий с нажимом на «был» сказал один из клонов, подходя к прилавку.

При ближайшем рассмотрении он несколько отличался от собратьев. У него были колючие глаза, ростом и в плечах он был помощнее остальных. И имел этот клон помимо всего вышеперечисленного три массивных перстня на пальцах. Один золотой, ненормально большой и, видимо, изрядно тяжелый. Который в случае надобности перевернешь печаткой в ладонь – кастет получается. И два колотых синей тушью с расплывшейся символикой, свидетельствующей о похождениях колючеглазого в местах, отдаленных от цивилизации весьма и весьма.

– Так был?

Витек кивнул.

– И чо?

– Так я ж не хозяин, – пожал плечами Витек.

– А где хозяин?

– А бес его знает. Приходит, когда хочет, бабки заберет – и нет его.

– И доли он не оставил?

– Не-а. Не оставил.

– А насчет стрелки ты ему говорил?

Колючеглазый, конечно, выглядел грозно. Но не привык Витек, чтоб с ним вот так разговаривали – сверху вниз и тоном, как боярыня Морозова с провинившимся холопом.

– Слышь, земляк, – сказал Витек задушевно, – тебе хозяин нужен – ты и ищи его. И передавай ему чего хошь. Я к тебе в курьеры не нанимался.

Колючеглазый прижал уши и окрысился.

– Я тебе не земляк, падло! И жопу со стула подыми, когда с тобой люди говорят! Пока тебе ее не оторвали на хрен.

А вот это уже не лезло ни в какие ворота.

Витек знал клона. Он жил на соседней улице лет эдак с пятнадцать назад и тогда еще не имел отношения к генетическим экспериментам. Тогда он был лопухим задиристым пацаном, гонял в футбол, дрался со сверстниками с соседней улицы (с Витьком тоже было раза два со счетом один-один), таскал девчонок за крысиные хвостики и стрелял из рогатки по форточкам. Словом, был крутым хлопцем, грозой замечтавшихся кошек и занозой в заднице участкового. Пока однажды по недомыслию то ли не ту форточку подстрелил, то ли не тому коту усы поджег – словом, загремел парниша в те края, где из племени младого незнакомого за некоторое количество лет лепят одинаковых бандюганов с цепями, перстнями, челюстями и характерным лексиконом.

Клон был здоров и под перстнями имел кулаки нехилые. Но Витек на свои кулаки тоже особо не жаловался, а потому поименованную выше часть тела от стула послушно оторвал, да и вмазал вымогателю меж надбровных дуг изо всей дурацкой мочи.

Ударенный охнул от неожиданности и с размаху сел на кафель. Витек сноровисто сунул руку под прилавок за припрятанной там бейсбольной битой (дядя Ваня где-то стибрил пару и Витьку обе за пузырь отдал) – но... самую малость не успел.

Пока двое дружков ударенного обалдело рассматривали невиданное панно – вожак, сидящий на пятой точке, мотающий головой и туго постигающий окружающую реальность, – третий резко выдернул из-за пазухи что-то короткоствольное, направил его на Витьку и нажал на курок.

Витька не больно, но сильно толкнуло в плечо. Настолько сильно, что плечо улетело назад, словно деталь, к остальному телу отношения не имеющая.

Баммс!!!

Витек даже не успел удивиться, как вслед за плечом назад рвануло его самого. Дернуло, треснуло башкой об холодильник...

На пол он сполз сам, без посторонней помощи, потому как вдруг резко перестали держать ноги. Загудела голова, залилась тошнотворной матовой дурью, заньло, заболело плечо. Сначала глухо, потом вдруг очень быстро, по нарастающей, до стоны, до крика накатила тупая боль.

Закричать-застонать Витек не успел. От удара под дых крик пресекся в зародыше. Вслед за плечом боль огненными пятнами запрыгала по всему организму.

Его били в три пары ботинок. Через пару десятков секунд к ним присоединилась еще одна пара, лупцевавшая гораздо чувствительней всех трех вместе взятых.

Потом вдруг осталась только одна.

– Козлина, л-л-ля, порешу в натуре!!! Ты на кого грабку поднял? – ревел где-то под потолком то и дело срывающийся на визг глас ударенного клона. – Урод недоделанный!!! Да я твой рот... Да я твою маму...

И вдруг наступила тишина.

Последняя пара ботинок тоже прервала экзекуцию.

Хлопнула дверь – и стало совсем тихо. Только жужжала где-то под потолком французская муха, да тихо гудели в том же районе люминесцентные лампы.

– Нехорошо, ребята, вчетвером на одного, – нарушил тишину кто-то. – Да и потом лежа-чего бить – запахло.

– Шел бы ты лесом, дядя... – после секундной паузы сказал кто-то из клонов. Сказал вызывающе, но несколько нерешительно, как получивший на уроке от учителя замечание уличный шпаненок – вроде б и авторитет перед однокашниками терять нельзя, но и к директору идти неохота.

Витек медленно вытащил голову из плеч и разлепил залитые кровью глаза.

Четверо клонов стояли над ним, пялясь в пространство...

А из пространства на них надвигалась тень.

Большого из-под прилавка Витьку было не видеть. Потом что-то свистнуло, чавкнуло – и клон, слишком медленно тянущий из-за пазухи обрез помпового «ремингтона», взлетел в воздух, спланировал в стену лысиной, пробил ею хлипкую панельку и стек на пол.

– Ты чего, слышь?!..

Тень шагнула из-за прилавка и материализовалась во плоти.

Это был мужик лет тридцати с виду. Высокий, с правильными чертами лица, волевым подбородком и взглядом глиняного буддистского монаха, которых продают в переходах торговцы сувенирами. Не в смысле китаец, а в смысле наш человек, российский, только взгляд глиняный, не из этого мира. Колоритное лицо... А ниже, там, где кончалось лицо, начиналось что-то страшное.

Мужик бугрился кошмарными мышцами. По сравнению с туловищем голова казалась непропорционально маленькой, не имеющей отношения к остальному телу. И сейчас это жутковатое на вид тело, затянутае в готовую расплзтись по швам футболку с короткими рукавами, двигалось со странной киношной грацией, плавно и быстро, рассекая смазанными от скорости кулаками душный воздух магазинчика.

Бац! Бац! Бац!

Клоны попадали, словно кегли, пачкая кафель кровавыми соплями. И остались лежать на полу кучками черной турецкой кожи, не подавая признаков жизни. У одной лысой жертвы рекламы к нижней губе прилип комок белой жвачки с торчащим из него обломком зуба. Случаются порой в промежуток с утра до вечера обстоятельства, когда «Орбит» не спасает его поклонников...

Витек продышался, потом вылез из-под прилавка, держась за плечо. Левая рука провисла бесчувственной плетью.

– Спасибо.

– Не за что, – дернул углом рта телесный двойник Шварценеггера. – Только насчет «спасибо» – это ты зря.

– Почему?

Мужик несколько раз шумно прогнал воздух через легкие, восстанавливая дыхание. Потом посмотрел на свой кулак и поморщился.

– Черт, кожу об того рябого содрал. Непорядок. Давно с манекеном как следует не работал... Ты о чем? А-а, почему «спасибо» зря?

Он шагнул к прилавку и вытащил из заднего кармана джинсов сложенную в несколько раз матерчатую сумку.

– Ты мне молочка нольпятипроцентного упакуй пока пакетов пятнадцать.

– Пятнадцать?

– Угу. А «зря» – это потому, что сожгут тебя теперь.

Витек усилием воли собрал кричащее от боли тело и двинулся было к холодильнику, но тут до него потихоньку начал доходить смысл происшедшего только что.

– Как сожгут?

– А так. У нас тут не Москва, где все под ментами. У нас тут – сам небось знаешь – бес-предел времен прошлого тысячелетия. Бензином обольют твой караван-сарай и спичку бросят. Но это лучше, чем если б сейчас тебя до смерти забили. С рукой что?

– Да вон тот выстрелил, – кивнул Витек на лысого клона, вяло шевелящегося у стены, словно выброшенная на берег большая медуза.

– Ясно, – сказал мужик. – Крови нет, значит, пуля резиновая. Поболит-перестанет. Да ты не напрягайся, давай всю упаковку.

Витек, кривясь от боли, дернул с пола требуемое, задел плечом монументальные весы...

Весы медленно накренились. С одной из жестяных чашек посыпались на пол гирьки. А из-под другой вывалилась тоненькая книжка с прозрачными крылышками скотча по бокам.

Мужик наклонил голову и прочитал вслух название:

– «Алхимик». Понятно. Кастанеда для пролетариата, – сказал он, усмехнувшись. – Заодно и дополнительный источник дохода для работников торговли. В перерывах оторвал, просветился – и обратно под весы. До прихода Немезиды в лице ОБЭПа. Ты что ль читаешь?

Витек, сидя на корточках, собирался с силами перед новым рывком.

– Не, – сказал он. – Это Клавка, продавщица. Я вон – три стратегии... Этого... Хуан Ши-Гуна. А с ОБЭПом у Клавки все схвачено.

– И это понятно, – кивнул мужик. – Не во Внутренней Монголии живем. И с ОБЭПом понятно, и с твоим китайским Аттилой... Хуан Ши... как его? Гунна? Если гунна – это хорошо. Только там что-то издатели напутали. У гуннов одна стратегия была – мочи козлов, не то они тебя замочат. А если у тебя или у вашей Клавки ощущается потребность в эсхатологическом постмодернизме, вы уж лучше Умберто Эко читайте. Или Пелевина. У вас теперь времени свободного будет – немерено. Вот и самообразовывайтесь, дети индиго.

Витек речи мужика воспринимал туго. Сказывались последствия битвы. Мир перед глазами был зыбким и неустойчивым. И еще отчаянно хотелось плевать.

Мужику, видимо, реинкарнации побитого работника торговли ждать надоело. Он пере-гнулся через прилавок, одной рукой легко перехватил мучимую Витьком упаковку с молоком, украшенную ушастой крысой, запихал ее в сумку и бросил на прилавок двадцать долларов.

– Сдачи не надо. Счастливо, братишка, лечи организм.

Витек обалдело смотрел на удаляющуюся спину, похожую на гигантское перевернутое «V».

– Это самое...

– Да?

Мужик обернулся.

– А с ними что делать?

Витек кивнул на клонов, медленно возвращающихся к жизни.

Мужик хмыкнул.

– Да оклемаются – сами уползут. Только ментов не вызывай – тогда караван-сарай ваш прям вместе с тобой и сожгут.

– А если все-таки вдруг чего... это самое...

– Чего «вдруг это самое»? – простонал гигант. – Н-да, сходил называется за молочком, прогулялся под настроение. И на кой оно мне все это надо?

Мужик вернулся к прилавку и бросил на него визитку.

– Если будет конкретно «вдруг это самое» – звони, – сказал он и пошел к выходу.

* * *

– И как только тебя начали метелить, тут он и появился, весь красивый и в белом?

– Он в футболке был, – вяло отбредхнулся Витек в перерыве между картофелиной и котлетой. – В черной.

– Говорила я тебе, не связывайся с этим Саидом. Зверек – он и есть зверек, потом век не отмоешься, да еще должен будешь по гроб жизни.

Витькина сестра Галька обладала кучей несомненных достоинств. Она готовила как богиня, тащила на своем горбу все хознужды их маленького семейства и закрывала глаза на Витьковы эротические моменты жизни, периодически возникающие при помощи окрестных представительниц прекрасного пола, во время оных запираясь у себя в комнате и смотря телевизор в больших студийных наушниках, надетых поверх бигудей. А на нудеж старшей сестры можно было просто не обращать внимания, памятуя, что «Васька слушает, да ест». Чем Витек сейчас собственно и занимался.

– Я его как только увидела, сразу сказала – вляпаешься ты, братец, сам знаешь куда по самые не балуйся. И имя у него, как у бандита, который там с Суховым в «Белом солнце пустыни», – Саид, мать его за ногу. И название магазину придумал дурацкое – «Караван». Правильно народ придумал – караван-сарай и есть... А тут еще и бандюганы, и качок какой-то. Подстава это все, помяни мое слово! И ты будешь крайний. Милицию надо было вызывать! Милицию, а не к Саиду бежать...

Про милицию Галька знала все. Она запоем читала Маринину и не пропустила ни одной серии «Ментов».

В связи с этим была она, как и подавляющее большинство жителей постперестроечной России, в курсе воровских «понятий» и прилично владела уголовной «феней», почерпнутой из вышеназванных источников.

– И прессовать будут крайнего. А крайний при таких раскладах – ты, родимый.

Сестра мощным телом кустодиевской модели двигала горячий воздух маленькой кухни, в которой силами Гальки одновременно на плите в баке кипятились пододеяльники, что-то вкусно пыхтело в духовке, мылась посуда, всяко-разное протиралось-расставлялось-развешивалось, и при этом не забывался процесс кормления младшенького братца – подложить, убрать, подлить и еще-чего-изволите-если-не-дай-Бог-не-наелись.

Витек крякнул сыто и отвалился от стола.

– Да ладно тебе, сеструха, все будет путем. Ну подумаешь, пришли, попугали и отвалили восвояси.

– Ничо себе «попугали»!

Галька резко тормознула, отчего в кухне как-то сразу запахло жареным, уперла руки в крутые бока и начала свирепеть.

– А морда твоя разбитая? А синячина во все плечо?! Да ты мог инвалидом на всю жизнь остаться, придурь! Кто б за тобой дерьмо подтирал?

– А ты на что? Ты бы и подтирала.

– Вот ведь скотина бестолковая! – возмутилась Галька. – Сплюнь, чего мелешь, недоумок?!

Витек добродушно улыбнулся разбитыми в пельмени губами, встал с табуретки и обнял сестру.

– Ну хорош тебе пыхтеть, родня, я ж пошутил. Ты же знаешь, на мне все – как на собаке. Не мельтеши, все будет пучком.

– «Не мельтеши...» Словечек набрался, тоже мне, блатота.

– В сестру такой пошел, матушка, в сестру.

– Отвали, медведь, – проворчала «матушка». – И марш посуду мыть! Я не железная за всеми разгребать...

«Всех» было немного.

«Семья-то большая, аж в два человека...»

После автокатастрофы и смерти родителей, спрессованных в кашу из металла и мяса пьяным водителем «КамАЗа», Галька истово растила чудом спасшегося младшего брата.

Сразу после столкновения у водителя самосвала то ли хмель слетел, то ли человеческое что в душе проснулось, да только выскочил он из кабины, ринулся в загоревшуюся «шестерку» и сумел выбросить из нее малолетнего пацана. Сам погиб, а Витьку спас.

Сироту определили в детдом, но сестра, в то время бывшая на даче, узнав о случившемся, всеми правдами и неправдами – молодая еще больно была, отдавать не хотели – выцарапала брата из детдома и забрала в их осиротевшую квартиру.

Растила-растила Галька пацана, да за заботами о брате как-то забыла о себе. Так и не вышла замуж и сейчас по инерции продолжала опекать детинушку великовозрастного, который даром что здоров кулаками и статью, а все ж как-то так, не пришей рукав к жилетке – то там, то сям, работы нормальной нет – да и где ее сейчас найдешь, нормальную-то? А тут в историю влип нехорошую. И ведь не понимает, что влип, а как втолкуешь? Двадцать один, десантник, год после дембеля, до сих пор в тельняшке и днем и ночью, в поле ветер, в ухе дым, море по колено, а лужа по уши.

Кажется, совсем недавно был такой маленький, беззащитный. После катастрофы той все молчал больше, кое-кто из соседей его вообще за дурачка считал. А иногда... Сядет у окна, возьмет старый, оставшийся от бабки стеклянный флакон из-под духов и водит им у лица, нюхает. И чего там нюхать? Флакон-то пустой уж сто лет, только что красивый, потому и не выбросили ради интерьеру. Нет, говорит, пахнет он. Люди умерли, а запах, которым они когда-то пахли, остался. Жуть! Или листок опавший найдет – и смотрит на него часами. «Зачем он тебе?» – спросишь. «Красиво», – говорит и дальше себе любит. «Смотри, – скажет, – он желтый уже почти, а прожилки-то красные. Как будто он умер, а кровь у него внутри застыла». Странно, конечно, от мальчика такое слышать, а глянешь – и вправду красиво. Только жутковато отчего-то.

За те странности одноклассники и смеялись, и лупили его бывало. А он терпел-терпел, отмалчивался, отпихивался ладошками... А классе в шестом вдруг ни с того ни с сего – как с цепи сорвался. Забросил свои листики-флакончики, раздобыл где-то иностранные книжки, где мужики косоглазые доски голыми руками ломают, – и сам тоже давай каждый божий день кулаками до крови в стены стучать. Все обои пятнами бурыми изляпал. Потом в секцию какую-то записался подвальную. Так до армии и ходил – то в синяках, то с кулаками разбитыми. Правда, пацанва с ним больше – ни-ни. Не забалуешься. Чего не понравится, того и гляди в морду даст.

А все равно, что до армии был, что после – дите дитем... В милицию разве самой сбегать? А толку? Кто приходил, кого били? Лысые в коже? Да сейчас таких на любом рынке каждый третий – кто бандит, кто охранник, кто просто за свининой для шашлыка пришел – поди разбери. Пошлют в той милиции на известное число букв – и правы будут. Дурака воспитала – значит, сама дура. Не лезьте, куда не следует, граждане – и ничего вам за это и не будет.

А уж если влезли – то уж извините, уважаемые, получите по полной программе. Витька, вон, балбес, наелся и убежал опять куда-то, проигнорировав посуду. Знает, паразит, сестра сама в сто раз лучше все сделает, и помоеет, и приберет. И визитку чужую на столе забыл. А там все буквы иностранные, не понять ни бельмеса. Адрес не по-нашему, телефон и – «Entertainment club „Pagoda“. Stas Navin. Proprietor». И от этой непонятности так на душе тяжело, хоть ложись на пол и вой волчицей. Да только поможет ли?

* * *

У «Каравана» толпилась куча народа. Пролетарской закалки куча. Одеты неброско, со следами похмелья на лицах и с ехидными улыбочками – мол, не все вам малина, капиталисты

проклятые, бывает и на нашей улице праздник. Этот пока мелкий. Не праздник – так, пустячок приятный. Самый существенный сабантуй был в семнадцатом годе прошлого века. Но придет еще наше время, ох, придет...

Словом, народ был тот самый. Наш народ то есть. Это «Караван» был уже не тот.

Точнее сказать, «Каравана» больше не было в принципе. Была большая, слабо дымящаяся гора останков павильона, состоящая из расплавленного пластика и корявых металлических конструкций. И горестно склонившийся над искореженным скелетом магазинчика опаленный огнем одинокий тополь, с которого под порывами ветра порой слетали свернутые в трубочку обугленные листья.

Витек протискался сквозь толпу и обалдело устался на пожарище. В голове не укладывалось – как же так? Еще вчера была достаточно уютная торговая точка, в меру грязенькая, небольшая, но все же... Так или иначе – привыкает человек к рабочему месту. И пусть ишачил в «караван-сараях» порой за троих, но как все ж больно осознавать, что вот так вот – раз – и нет ничего больше. Ни холодильников, ни прилавка, ни кафеля на полу, ни протертого стула у кассы, ни самой кассы, ни надоедливой мухи – ничего, только гора обгорелого мусора.

И гнутое дерево над ним, пострадавшее ни за что. Лишь потому, что случайно росло рядом.

Мутным миражом колыхнулся в сознании недавний сон. И слова, сорвавшиеся с языка того, кем был Виктор в том сне:

– Этой весной лепестки цветущей сакуры будут черными от сажи и пепла...

– Вот она, брэнность бытия, – высунулся из-за плеча Виктора пожилой алкаш с прокисшей физиономией. – Было оно – и нету. Ты ж вроде тут торговал?

Витек кивнул, продолжая незнамо чего искать глазами в горелой куче и одновременно зачем-то пытаясь вспомнить, чем кончился тот короткий сон. Но алкаш не отставал, и обрывки странного сна рассеялись, спугнутые его надоедливым скрипучим диском.

– Ну вот и все, накрылась твоя торговля. Дай по такому случаю пять рублей?

– Зачем тебе? – не очень соображая, о чем его просят, спросил Витек. Теперь его занимали вполне прозаические мысли – чего теперь делать и где другую работу искать.

– Как зачем? – оскорбился алкаш. – На помин заведения.

На другое плечо Витька опустилась узкая жесткая ладонь.

– Слышь, парень, пашли, да. Гаварит будем.

Витек обернулся.

Сзади него стоял Ибрагим, брат Витькиного шефа Саида. Худой неприятный тип душманской наружности, по слухам, в известных местах круто воевавший джигит, воин Аллаха и все такое прочее, за соответствующую внешность неоднократно прессуемый органами и вследствие этого имеющий надменно-презрительное выражение лица по отношению ко всем без исключения аборигенам.

– Чего надо? Тут говори.

Трепета перед воином Аллаха Витек не испытывал. Потому как в армии против стоявшего рядом с ихним полком стройбата ходил он неоднократно с сослуживцами вчетвером-впятером на роту разноплеменной мазуты, и ни разу не посрамили воины небесного цвета нимбов, по штату десантуре положенных. Хотя – надо признать – бывало, брызгала на те береты и своя кровушка. Но не в пример чаще была она чужой. А уж тут-то, если чего, да один на один...

Ибрагим чего-то прикинул и сменил гнев на милость, а выражение лица с надменно-презрительного на скупающе-отсутствующее.

– Слюшай, пашли, а? Саид зовет.

– Ну ладно, если Саид, тогда пошли.

«Черт с ним, с Ибрагимом. Может, Саид другую работу предложит?»

– А пятерку, значит, не дашь? – заныл вслед удаляющемуся Витьку алкаш.

– Пракурор тэбэ пятерку даст, казел, – заржал Ибрагим.

Витьку отчего-то стало противно. Он остановился, вынул из кармана червонец и протянул алкашу. Тот с неожиданной сноровкой, чуть ли не в прыжке подхватил деньги и тут же испарился, как каракумский мираж.

– Багатый, да? – прищурился Ибрагим. – Вах, харащо, что багатый.

– Кому хорошо? – спросил Витек.

В голосе Ибрагима слышались издевательские нотки. И от этих ноток очень хотелось треснуть воину Аллаха меж ушей. Да так, чтоб только уши и остались.

– Всэм харащо, дарагой, – почему-то обрадовался Ибрагим. – Мнэ харащо, Саиду харащо. Тэбэ харащо будет.

– Хорошо – это как?

– Увидишь, дарагой. Харащо – это кагда нэ плохо. Кагда живой, багатый – тагда харащо. Кагда нэт, тагда – вах!

За такой вот философской беседой они прошли половину улицы и свернули в арку между домами.

За аркой справа стоял Саидов «ниссан». Машина была не новой, но большой и черной, что по местным меркам компенсировало возраст. Еще двое воинов Аллаха: один – в черной кожанке, другой – в ярко-рыжей – ошивались возле нее, пиная тупорылыми штиблетами прошлогоднюю листву. При виде Витька с Ибрагимом в кильватере они разом прекратили маяться дурью и стали ретиво отрабатывать хозяйский хлеб, приняв стойки «всегда готов» – не в совково-пионерском смысле, а в смысле набычиться и руки – в красноречиво оттопыренные карманы.

Тонированное стекло автомобиля медленно поехало вниз, явив миру худое лицо теперь уже бывшего Витькова работодателя Саида, чем-то похожее на американского киноактера Энди Гарсиа, только лысого, в возрасте ближе к сорока и с круглой, тщательно подстриженной бородкой а ля «мексикано десперадос бандито».

В отличие от своих земляков, Саид очень прилично говорил на языке аборигенов.

– Прошу сюда, молодой человек. Прокатимся, побеседуем.

Один из Саидовых земляков, звероватого вида джигит с красными воспаленными то ли от недосыпа, то ли от наркотиков глазами, левой рукой открыл перед Витьком заднюю дверцу автомобиля, не сводя кровавых глаз с «молодого человека» и по-прежнему держа правую руку в кармане.

Витек немного напрягся, покосился на звероватого земляка, потом пожал плечами – а, была не была, – и не спеша воспользовался приглашением. Земляки вместе с Ибрагимом скакнули следом и уселись: один – за руль, остальные – на заднее сиденье справа-слева от Витька.

Машина медленно тронулась. Бритый затылок Саида мерно закачался впереди, отчего Витьку вдруг отчаянно захотелось спать.

– Вы у меня были неделю назад, Виктор, – несколько высокопарно начал Саид, видимо, тихо млея от собственной интеллигентности и светских манер, – и сказали, что к вам приходили люди с предложением насчет крыши?

– Угу, – сказал Витек. Он себя чувствовал несколько неуютно от такого обращения, на что, наверное, Саид и рассчитывал, дрессируя себя в тонкостях великосветских манер аборигенов, от которых они в своем подавляющем большинстве отказались уже эдак с сотню лет назад.

– Вы сказали им, на кого работаете?

– В первый или во второй раз?

Саид закаменел шеей, отчего его затылок перестал качаться туда-сюда.

Ибрагим, знавший Саида с младых ногтей, мог бы сказать, что брат сейчас сильно гневется и в этой стадии своего гнева способен на многое, с великосветскими раутами ничего

общего не имеющее. Но Витек не имел чести знать бывшего шефа настолько приватно, поэтому ему просто расхотелось спать.

– Повторяю вопрос, – с нажимом на «повторяю» сказал Саид, – они знали, на кого вы работаете?

– Ну да, знали. И чего?

– Мне передали, что перед тем, как сгорел «Караван», вы там учинили драку с этими людьми.

– Не, ну интересно получается! – возмутился Витек. – А что бы ты учинил, Саид, если б тебя падлой назвали и пообещали жопу оторвать?

Желтый затылок Саида начал наливаться красным.

– Я – это я, молодой человек, – очень медленно сказал Саид.

Ибрагим мог бы сказать, что степень братского гнева не поддается описанию. Но его никто ни о чем не спрашивал, и Ибрагим просто сидел справа, тупо глядя вперед и чем-то неуловимо смахивая при этом на статую с острова Пасхи.

– Мне такого никто никогда не говорил и вряд ли когда-либо осмелится, – все так же медленно произнес Саид. – Так что же получается, Виктор? Из-за того, что кто-то вас обозвал, я лишился магазина?

До Витька начало кое-что доходить.

– Так ты решил на меня свою палатку повесить? – заорал он. – Так вот... Ах ты...

Бумс!!!

Ребро ладони Ибрагима резко садануло Витьку в кадык, и почти сразу же пришла передача слева – локтем в солнечное сплетение от звероватого земляка.

Витьку скрючило, словно эмбриона, после чего ему добавили чем-то тяжелым по затылку, как-то очень ловко накинули на шею удавку, завели руки за спину и свободным концом петли связали запястья так, что дернешься посильнее – и тут же безвременно отправишься к создателю от недостатка кислорода.

Перед глазами Витьку плавало несколько Саидовых затылков. За шиворотом было тепло и влажно, наверное, от крови. На голову Витьку плеснули воды из пластиковой фляги, и затылки постепенно собрались в один.

– Итак, продолжим, Виктор.

Автомобиль уже выбрался за черту города и теперь медленно ехал по шоссе, раздирая дальним светом фар стремительно сгущающиеся сумерки.

К Витьку пришла вялая мысль, что продолжения, скорее всего, не будет. Гальку было, конечно, жалко. А в остальном-то – и хрен бы с ним со всем. Все равно в этой жизни хорошего – мизер, а дерьма – только успевай разгребать. Вот только тоскливо, что не придется напоследок по этому лысому черепу съездить чем-нибудь стальным или чугунным. На худой конец, можно и кулаком... Да только, видать, не судьба. Помучают сейчас, сволочи, потом завалят, как сайгака, да сбросят в кювет. И если даже найдут менты поутру – никто и не почешется. Одним муделем безработным меньше стало – и бес с ним, с сердешным, отмучился. Бог дал – Бог взял, туда ему и дорога.

– Вы, наверное, думаете, что легко отделаетесь, молодой человек? Мол, убьют сейчас неверные меня, невинного – и весь сказ.

«Мысли что ли читает, сволочь», – удивился Витек.

– Ошибаетесь, уважаемый, – усмехнулся Саид. – Вы даже не представляете, как вы ошибаетесь.

«Ниссан» свернул с шоссе, проехал сотню метров по невидимой в ночи тропинке и остановился.

Витьку схватили за шиворот и выбросили из машины.

Он упал на бок. Петля больно врезалась в шею, и Витек, выдавив из горла полустон-полухрип, засучил ногами, выдирая из земли ботинками комья сырого мха.

– Больно? – участливо спросил Саид, приближаясь. – Как я вас понимаю, уважаемый! Прошлой ночью я по вашей милости потерял магазин стоимостью в двести тысяч долларов. И это, поверьте, не менее больно.

Он присел на корточки и, просунув тонкие пальцы под петлю, несколько ослабил ее. Витек перестал хрипеть и теперь жадно глотал ртом холодный ночной воздух, пропитанный пьянящим запахом хвои и прелой листвы.

– Так как мы теперь будем с вами рассчитывать, молодой человек? – спросил Саид.

Витек молчал. Он был сейчас слишком занят. Он дышал.

– Молчите? Логично. Ну, квартиру вы, понятно, продадите. Какая там у вас? Двушка? Пятый этаж, хрущевка, спальный район... Правильно?

– Абысалютна, – откуда-то из-за Витьковой спины подтвердил голос не столь сведущего в языке аборигенов Ибрагима.

– Максимум двадцать тысяч долларов в базарный день. Остается еще сто восемьдесят. Это очень много. Где вы их думаете брать?

Дыхание потихоньку восстановилось. Теперь Витек молчал по другой причине.

Говорить было не о чем. И незачем. Саид разговаривал сам с собой, прекрасно зная ответы на свои вопросы. Ему просто нравился спектакль, в котором он был и зрителем, и главным персонажем, и сценаристом, и режиссером одновременно.

– Опять молчите?

Бац!

Тупорылый носок ботинка врезался под Витькову лопатку, снова надолго перебив дыхание.

– Нет, Ибрагим, не надо лишнего, – с укором произнес голос Саида над головой Витька. – У нас тут с молодым человеком деловой разговор. Ведь так, Виктор? Мы с вами деловые, цивилизованные люди и всегда сможем договориться. Итак. Завтра вы переписываете на мое имя квартиру... ах, да, закон, закон... Законы мы уважаем. Значит, меняетесь на комнату где-нибудь в Ханты-Мансийском автономном округе – вариант мы вам предложим. За неделю, я думаю, с нашей помощью с обменом вы управитесь. Остается, как я уже говорил, сто восемьдесят тысяч долларов. Я вижу в ваших глазах отчаяние? И ненависть? Ничего, это нормальная реакция.

Поверьте, я не садист. Тем более, вы очень неплохой работник, а какой же хозяин будет напрасно мучить свою рабочую силу. Вы мне отработаете эти деньги, Виктор, и от того, насколько быстро и хорошо вы их отработаете, будет зависеть, как скоро вы снова увидите свою сестру.

– С-сука!!!

Витек забился в путах, но петля только сильнее затянулась на горле, заставив парня хрипеть в приступе бессильной ярости. Четверо мучителей засмеялись.

– Вах, хороший собак, – загоготал сзади Ибрагим. – Кавказский овчарка!

– Насчет овчарки согласен, – кивнул Саид. – Но, к сожалению, далеко не кавказская. И теперь это моя овчарка, брат. А чтобы никто не перепутал и – главное – чтобы она сама не забыла, чья она, необходимо поставить клеймо.

– Канешно, брат, – согласился Ибрагим, выходя из-за спины лежащего на боку Витька под свет автомобильных фар. – Сичас сделим.

Ибрагим все знал заранее и загодя приготовился к финалу. В левой руке у него была горящая паяльная лампа. В правой – металлический прут с блямбой на конце, которую он поворачивал в струе огня так и эдак – то ли для лучшего нагрева, то ли для пущего устрашения

связанной жертвы. Блямба и так уже сверкала огненной каплей, готовая вот-вот стечь на землю тягучей струйкой раскаленного металла.

– Сичас, брат.

Капля стремительно приблизилась к правому плечу Витька и вонзилась в него комком раздирающей боли. Витек дернулся, укусил себя за губу, захлебнулся струей собственной крови и потерял сознание.

* * *

...Руки Ибрагима были по локоть в крови. Снова и снова он втыкал в живое мясо раскаленное железо, ковываясь в ране и вытаскивая из нее своим прутом белые веревки сухожилий. Плеча уже не было – был живущий своей жизнью шевелящийся спрут, состоящий из боли, невыносимой настолько, что она, как ни странно, стала привычной. Тело – отдельно, боль – сама по себе, а правого плеча – просто нет, и все тут.

Но гораздо большие мучения доставлял Саид. Он сидел на корточках и длинной травинкой щекотал лицо Витька. То в ноздрю залезет, то по лицу проведет омерзительно медленно, так, что почесаться охота – сил нет, а никак – руки за спиной связаны. И их, рук, кстати, тоже нет – затекли и потеряли чувствительность. А, может, дружки Саида отпилили их на фиг? Тогда почему перевернуться не получается? И руки – пусть отпиленные, но хоть то, что осталось, из-за спины не вытащить?.. Да и бес с ними, с руками, только бы Саид прекратил эти муки адовы и травинку свою убрал!!!

От боли, от бессильной злобы, от всего вместе взятого, что навалилось за последние два дня, Витек крепился, крепился – да и заревел, со слезами и соплями, словно отшлепанный воспитательницей детсадовский спиногрыз. И тут же потому, что перед вражьими рожами такую вот слабость показал, сам на себя озверел и оттого совсем уж белугой залился.

И от собственного рева проснулся.

Ибрагима не было. Не было и Саида со звероватыми земляками. Железной палки с тавром тоже не было в пределах видимости. Было утро, роса, осенний лес вокруг и проклятая травинка в самой что ни на есть ноздре.

Витек нелитературно выматерился, осторожно повернул голову, откусил травинку, выплюнул ее и прислушался к себе.

Били его часто. Кто много дерется, тот много и получает в ответ. И во дворе, и на татами, и в армии, и вообще по жизни. И главное после того, как очухался после тяжких побоев, это прислушаться повнимательнее – как там они, части тела – целы или не совсем? В запарке боя часто и не поймешь, что сломано, а что просто поболит да перестанет. Адреналин боль глушит. А после в себя придешь, дернешься неловко, потревожишь и без того растревоженное – и снова выключишься. И потом, может, и вообще не включишься. Так в армии капитан советовал – афганский волчара, морда в шрамах, как у Виниту, злой, психованный, но порой дельные советы давал.

Руки из-за спины вытаскиваться не хотели. Значит, все-таки связанные. Спасибо, хоть петлю на шее перерезали, звери.

«Не хотели, чтоб ценный должник в отключке задушился...»

Витек стиснул зубы и осторожно перекатился на спину. Все равно загорелось огнем до этого более-менее терпимо саднящее плечо, заныло добросовестно побитое остальное тело. Из желудка поднялся тошнотворный ком и запросился наружу. Витек тот ком за минуту-другую на волю выпустил, после чего с полчаса сидел, привалившись спиной к ближайшему дереву, отплеываясь кислым в окружающую флору и рассматривая красные круги перед глазами.

Круги постепенно рассосались. Рассматривать более было нечего, надо было выбираться отсюда. Следы от протекторов «ниссана» в размытой дождем земле указывали, в какую сторону следует выбираться.

Веревки на руках наверняка отсырели – помимо утренней росы, помнится, вчера еще и дождик накрапывал. Сырые узлы развязывать – дело гиблое, рук Витек не чувствовал и потому решил, что тереться запястьями о деревья вслепую не стоит, толку будет немного – только еще больше изуродуешься. Потому со второй попытки встал он на ноги и потрохал на первой скорости вдоль отчетливых следов от колес Саидова «ниссана» – и на том организму спасибо, что хоть в этом не отказал.

Путь оказался недлинным. Почти сразу лес кончился, и след от протекторов вражьей тачки уперся в шоссе.

– Слава те, Господи, – пробормотал Витек.

Серая лента шоссе плавала в рассветном тумане. Справа из тумана показалась машина.

Голосовать было нечем. Витек заорал «Эге-гей», но ор сорвался и получился писклявым, а водила только поддал газу и промчался мимо, обдав Витька каскадом вчерашнего дождя, обильно плеснувшего из асфальтовой выбоины.

– Ясно, – сказал Витек, по-собачьи отряхивая лицо. – Чего ж тут неясного. Ну и хрен с вами.

Он сделал два шага, выбрал на асфальте место посуше, осторожно опустился на колени, потом так же осторожно завалился на наименее побитый бок.

– Вот так, – сказал он грязной полосе разметки, убегающей от лица к непривычно близкому горизонту. – Чо хотите, то и делайте.

Следующая машина притормозила, потом, рискуя свалиться в кювет, медленно и осторожно объехала лежащее поперек дороги тело и, вильнув задницей на мокром асфальте, рванула от греха подальше.

– Ну не сука? – простонал Витек.

Красные пятна постепенно возвращались. Сознание потихоньку готовилось к новой отключке...

– Ты чего, парень? Ты живой?

Кто-то осторожно трогал Витька за плечо.

– Дохну, – хрипло сказал Витек.

– Ну ты это погоди, – сказал кто-то, осторожно переворачивая Витька с боку на живот. – Ого! Кто ж тебя так?

– Друзья.

– Ясно.

Сзади послышалось шуршание одежды. Потом запястий Витька коснулся холодный металл, и по обеим сторонам Витькова тела упали его руки.

– Хорошие у тебя друзья. Крепко вяжут, – сказал кто-то, переворачивая Витька обратно.

У «кого-то» было немного квадратное лицо, коренастая фигура в темно-коричневой потертой замшевой куртке и безумно модные в этих местах ботинки «Экко», которые можно было купить только в Москве за нереальные по здешним меркам финансы. И потертая под стать куртке «лохматая» «Нива», на крыше которой был привязан веревками выдавший виды диван.

– А т-ты кто такой? – выдавил Витек.

– Меня Андреем зовут, – представился мужик в замше, пряча тускло блеснувшее лезвие под куртку куда-то в область поясицы. – И сами мы не местные. Давно обосновался?

– С неделю, – буркнул Витек.

– Н-да. Неделя – это срок, – кивнул мужик. – В больницу тебе надо, парень. Ну, пошли, что ли? Давай помогу.

Замшевый был здоров как буйвол. Он легко, одной рукой приподнял Витька, фрагментарно перебросил через себя и поволок к машине. Витьку ничего не оставалось, как вяло перебирать ногами вхолостую, имитируя независимое, мол, «я сам иду, и чужая помощь нам без надобности».

Ходить таким образом было несложно даже в Витьковом состоянии. Правда, на боку у замшевого под курткой торчало что-то твердое и острое, по ощущениям похожее то ли на рукоять ножа, то ли просто на какой-то штырь. Это твердое неприятно елозило по побитым ребрам, но Витек возбужать не стал – да и вряд ли получилось бы. Не до разговоров было – пусть уж волокут как хотят. Да и глупо возбужать насчет удобств, когда тебе, можно сказать, жизнь спасают...

«Нива» с диваном приближались. Побитый жизнью аппарат, много буераков повидавший... Но – машина!!!!

Еще с детсадовского голопузого возраста имелась у Витька тайная мечта – собственный автомобиль. И пусть не «Брабус» с АБСами да аэрбэгами, но – чтоб сам за рулем, чтоб дорога под колеса ложилась, и все ненужное, лишнее – там, за бортом, в другом мире...

Как и любой россиянин, собственной машины не имеющий, Витек неплохо разбирался в предметах своих мечтаний.

«Везет мне что-то в последнее время на подержанные внедорожники и на всякий разный подкрученный люд», – подумал он.

Ему вдруг стало неловко. За свою беспомощность, за грязную куртку, за то, что вот так, ни с того ни с сего какой-то незнакомый дядька прет его на своем горбу к машине, помочь собирается. А чем потом расплачиваться? Да и в больницах нынче бесплатная только дистиллированная вода.

– Вы... это... не надо.

– Чего «не надо»? – удивился замшевый, сгружая Витька на капот «нивы».

– Ну... это... в больницу там. Спасибо, что развязали. До дому вот довезите, а то сам не дойду. Тут недалеко.

– Как скажешь, – пожал плечами Андрей. – Ну, садись. Давай подсоблю.

– Спасибо, я сам.

С «я сам» Витек явно погорячился. Кисть руки он на ручку машины положить-то положил, а вот открыть дверь оказалось делом непростым. Пальцы не слушались и были абсолютно безжизненными, словно щупальца мороженого кальмара в прозрачном холодильнике универсама.

Андрей подошел и молча помог открыть дверь и загрузиться в машину. Витек был готов сгореть от стыда, но его спаситель, лишь бросив взгляд на синие распухшие полосы, охватывающие запястья Витька, выдал резюме:

– Не переживай. Сухожилия с виду вроде как целы, завтра уже пальцевать будешь как настоящий правильный пацан. А пока с этим придется повременить.

Витек хотел возразить, что мол он не из тех, и что как раз те-то его и отделали. Но тут некстати пришла мысль, что если он не из тех, то значит, и пацан он неправильный. Следующая мысль о том, что в настоящий момент это соответствует действительности, радости не прибавила. Тогда Витек справедливо решил, что думать – это вообще дело неблагодарное, и просто расслабился, наблюдая, как справа проносится лес, в котором он сегодня чуть не остался навеки...

...До дому оказалось, действительно, недалеко. Тем более, на машине с московскими номерами. Мимо поста ГИБДД пролетели на ста двадцати, въехали в город, раз поворот, два поворот, три...

– Тебе куда?

– Да вот...

– Понятно.

Город замшевый знал весьма прилично. И водил свою побитую колесницу по узким улочкам, как Илья-пророк свою по радуге. Профи, одним словом. Витька от такой езды с непривычки аж укачало. И от боли в организме снова плющить начало что называется не по-детски. И ком тошнотворный вернулся некстати. И – надо ж такому случиться – тормознул мужик перед Витьковым подъездом вроде б плавно, вжав мягко в податливое сиденье случайного своего попутчика – и...

– Мать ты моя, женщина!!!

Витек медленно вытащил голову из коленей, не зная, куда девать глаза.

– Извините...

– Да уж, – философски вздохнул замшевый, отворачивая нос. – Маленько не дотянули. А насчет больницы ты, парень, зря отказался. У тебя, похоже, сотрясение.

– Тряпка есть у вас? Я подотру.

– Да ладно. Что с тебя с побитого взять? На вот.

Мужик открыл бардачок и вытащил из него две зеленые американские купюры.

– Сейчас отлежись, а потом все-таки доктора вызови.

Он протянул деньги Витьку.

– Не надо.

– Бери, парень, пока дают, не ерепенься. Все равно мне считай на халяву достались. А у меня примета – на новом месте надо с хорошего дела начинать. Это уж после – как получится. Считай, что в долг даю. Потом отдашь как-нибудь.

«Ну и ладно, – мелькнула мысль в голове у Витька. – Будет долг до кучи сто восемьдесят тысяч двести долларов».

– Спасибо.

Витек открыл дверь и осторожно, по частям вылез из нехорошо пахнущей «нивы». Перед тем, как захлопнуть дверь, обернулся.

– А когда деньги будут, как мне вас найти, чтоб отдать?

Мужик хмыкнул.

– Жизнь, парень, она спиралью заворачивается. Как-нибудь на новом витке пересечемся – рассчитаемся. А теперь давай-ка, топай до дому. Мне машину срочно в мойку надо, а то я тут от вони окуклюсь.

* * *

Каждый знает, что жизнь – штука разноцветная и полосатая, как занзибарский флаг. Особенно у нас. То черная полоса, то так – не пойми какая. Нормальное это явление – разноцветность для России-матушки. Пора б уж привыкнуть. Но все ж, однако, когда вот треснет она, жизнь то есть, кулаком по темечку, встанешь порой столбом и стоишь, глазами хлопая, будто неожиданность какая случилась. А какая неожиданность? Закономерно все. Не Занзибар ведь, а места родные, до боли знакомые...

В квартире был разгром. Сломанный стул посреди комнаты, чайник на полу валяется, занавеска оторвана, осколки вазы...

Вазу было жалко. С малолетства Витек ее помнил. Стояла себе на шкафу столько лет, никого не трогала, и не разбил ее никто до сих пор. А как разобьешь? Шкаф-то матерый, довоенный, толкай, не толкай – не шевельнется.

А за шкафом была кровь. Витек нагнулся и осторожно поскреб ногтем почти засохшее пятнышко. То, что это кровь, он понял сразу. Без крови такой шкаф сотрясти – дело сложное. Видимо, головой Гальку приложили. Она деваха здоровая, так просто бы не далась. Ну да, вон и зеркало на дверце шкафа треснуло, и пятно бурое опять же, под трещиной.

– Ничего, Саид, ничего. Мы еще с тобой на эту тему пошепчемся – прошипел Витек сквозь зубы.

Из зеркала на него смотрел жуткого вида человек. Спутанные волосы, разбитые губы, ворот у куртки разорван, рукав на трех нитках держится, сам грязный, как свиномать.

Бомж бомжом. Вот только глаза не бомжовые. Злые глаза...

Глазами сверкать и зубами скрипеть – дело нужное. Адреналина нагоняет, характер развивает, кровь по телу быстрее бежит. Викинги вот говорят помимо всего вышеперечисленного с той же целью еще и края щитов грызли перед своими разборками. У них, видать, в организмах не было проблем с ксилитом и карбамидом, да и вообще здоровья было поболее, чем у далеких потомков.

А Витька от избытка адреналина снова замутило, да так, что он как стоял, так и сел прямо на пол.

«Вот те и раз. Похоже, действительно, сотрясение. Если так дело дальше пойдет, не то что с Саидом разбираться и сестру вызволять, собственную задницу от пола фиг оторвешь».

Требовался врач. А потом – все остальное. На все про все в активе имелось ровно двести долларов.

Вы когда-нибудь видели врача за двести долларов? Вероятно, это какая-то адская смесь интеллекта, типа Авиценны, Парацельса и Пирогова в одном флаконе. Может, у них там, на Диком Западе, и принято докторам по две сотни зеленых за вызов отдавать, но для русского человека это, мягко говоря, пижонство.

В соседней квартире за стенкой жил студент второго курса медицинского училища Сева-Франкенштейн, обладатель больших очков, важного вида, копны волос, заплетенных в косички-дреды, «Справочника фельдшера» тысяча девятьсот девяностого года выпуска и должности помощника патологоанатома в городском морге, которой он и был обязан своим прозвищем. С помощью этих составляющих Сева за символическую плату часто оказывал местному населению всякого рода услуги лечебного характера, в том числе к патологоанатомии отношения не имеющего.

Судя по характерному запаху из розетки, будущий фельдшер был на месте. Витек протянул руку, взял отломанную ножку стула и швырнул ее в стену, тут же скривившись от боли в плече.

Слышимость в доме была отличная. Реакция воспоследовала незамедлительно.

– Вы чо там, охренели все?! – прогундел из-за стены недовольный голос.

– Севка, зайди, дело есть, – крикнул Витек.

– Да иди ты! Только с ночной пришел, только раскумарился. Позже зайду.

Витек поднатужился и засветил в ту же цель фрагментом спинки стула.

– Сволочь ты, Витек, – сказал обреченно голос из-за стены. – Сейчас буду.

– Дверь открыта. И аптеку свою захвати, не забудь.

– Понял.

Спустя некоторое время Сева, слегка похожий движениями и мутноватым взглядом на киношного зомби, уже хлопотал над Витьком. Он сосредоточенно уложил пострадавшего на диван, вытащил из принесенной сумки с красным крестом набор каких-то блестящих инструментов и, степенно разложив его на уцелевшем стуле (надо думать, больше ради придания солидности своему статусу, нежели для дела), принялся священнодействовать.

– Так, глазные яблоки в стороны отведи.

– Яблоки? Глазные?

– Угу.

– Сильно сказал. В какие стороны? В разные?

– Идиот, – пожал плечами Франкенштейн. – Направо посмотри. Теперь налево. Так. Теперь на палец смотри. Ясно. Тошнит? Голова кружится?

- Не то слово.
  - В череп били?
  - Куда только не били.
  - Ясно. А это что?
  - Твою мать! Айболит недоделанный! Ты чо делаешь? Ты куда пальцы суешь?
  - Исследую раневую поверхность. Давай куртку снять помогу... Ну, ни фиги себе!
- Сева присвистнул и вытаращил глаза. Туман в них на несколько секунд рассеялся, но после неотвратно сгустился вновь до прежней консистенции.
- Чего там?
  - Ожог, причем нехилый. С орнаментом. Хотя... На латинскую «S» похоже. Лежачую. Витек криво усмехнулся.
  - Оно и есть.
  - Чего «оно»?
  - Ничего. Много будешь знать, до диплома не дотянешь. Лучше скажи, долго еще у меня башка будет гудеть, как церковный колокол? И блевать больше уже нечем.
- Сева сделал ответственное лицо.
- Ну, дней за десять, думаю, оклемаешься.
- Витек откинулся на подушку.
- Хреново. Надо максимум завтра.
  - Чего завтра?
  - На ноги встать.
  - Ты с дуба рухнуло, позвоночное, – убежденно сказал Франкенштейн и для наглядности покрутил себе пальцем у виска. – Ты на себя посмотри – на тебе живого места нет. У тебя с затылка шкуры клочок отодран вместе с волосами, висит на соплях, сейчас пришивать будем. Сотрясение – сто процентов, на плече ожог третьей степени и синяков на теле, как пятен у леопарда. Так что десять дней минимум, и то моли Джа, чтоб осложнений никаких на мозги не случилось. Кстати, с таким ожогом в больнице по закону полагается противошоковая терапия неразбодяженной наркотой – так что ты подумай, может, лучше в больницу? Я бы вот например даже не думал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.